

В разгар лета надрывались цикады, внутренний двор украсили праздничные красные шелка, а гости со всей округи оживленно переговаривались и смеялись.

Сегодня отмечали годик и обряд выбора судьбы — чжуочжоу — младшей дочери семьи Лин по имени Лин Юй.

Семьи Лин и Е дружили на протяжении нескольких десятилетий, их отношения были близки к родственным, и супруги Е заблаговременной прибыли на праздник вместе со старшими сыновьями-близнецами, которым едва исполнилось по три года.

Малыши были однойцевыми близнецами: их черты лица и внешность казались практически неотличимыми. Стоило им встать рядом, как посторонние терялись, не зная, кто есть кто, и лишь характером они немного различались — Е Сю рос спокойным и внимательным, а Е Цю — живым и непоседливым.

В центре двора расстелили ярко-красный ковер, на котором аккуратно разложили кисти и тушь, счёты, нефритовые подвески, золотые слитки и свитки скнигами — всё это предвещало гладкий и успешный жизненный путь.

Годовалую Лин Юй мать мягко опустила в самый центр ковра.

Личико малютки было чистым и одухотворенным, ресницы — длинными, а глаза — ясными и спокойными, в них читалось куда больше безмятежности, чем свойственно детям ее возраста.

Родственники и друзья с улыбками зазывали девочку поползти вперед, желая увидеть, какой счастливый предмет выберет малышка.

Однако никто не ожидал, что Лин Юй останется совершенно равнодушна к разложенным вокруг вещам, сулящим блестящее будущее.

Опираясь крошечным телом на мягкий ворс ковра, она уверенно развернулась и целенаправленно поползла в сторону толпы, полностью обойдя стороной драгоценные кисти, золото и книжные свитки.

Все замерли от удивления, прослеживая за ее взглядом.

Впереди, плечом к плечу, стояла пара совершенно одинаковых крошечных близнецов.

Е Сю и Е Цю жались друг к другу так близко, будто их телосложение, внешность и лица скопировали без малейших отличий; даже одежда на них была одинакового кроя и цвета, так что чужому глазу различить их не представлялось никакой возможности.

Но годовалая Лин Юй обладала словно бы врожденным, безошибочным чувством.

Она протянула пухлую ручку и без колебаний, с абсолютной точностью ухватила Е Сю за палец, свисавший у него сбоку.

Ее пальчики легко сжались, надежно обхватив его руку — твердо и серьезно.

Шумное сборище вмиг погрузилось в тишину.

А затем разразилось волной добродушного смеха и восторженных возгласов.

— Ай да кроха! Как же точно угадала! Два совершенно одинаковых юных господина, а выбрала именно Е Сю!

— Все сокровища на столе проигнорировала, а выбрала человека, да еще и старшего внука семьи Е!

— Какая удивительная связь! Обе семьи и так дружат веками, а теперь станут еще ближе!

Старшие в обеих семьях улыбались так широко, что в уголках их глаз собрались лучики морщинок, они были вне себя от радости, а лица их светились от счастья.

Мать Лин Юй присела на корточки, нежно провела пальцами по мягкой макушке дочери и с ласковой улыбкой тихо спросила:

— Сяо Юй, тебе так нравится братик Е Сю?

Неразумная еще головка крохи согласно и торжественно кивнула.

Это мягкое, забавное движение вмиг заставило всех рассмеяться еще теплее.

Никто не знал, что с этого самого мгновения, когда Лин Юй уверенно ухватила за палец Е Сю, между ними окончательно завязалась незримая нить судьбы.

Лин Юй полностью утратила любую способность чувствовать боль.

А у стоявшего рядом с ней Е Сю из ниоткуда появилась персональная сопереживаемая боль.

С тех пор дом Лин Юй расположился по соседству, семьи стали жить бок о бок, разделенные лишь одной стеной.

Оба ребенка росли вместе, проводя дни напролет неразлучно.

Лин Юй не ведала боли: падая во время игр, ударяясь или получая царапины, даже когда она сдирала кожу на ладонях или набивала синяки на коленках, ее выражение лица оставалось невозмутимым — она продолжала играть как ни в чем не бывало, без малейшей тени переживаний.

Но Е Сю изменился.

Он то и дело без всякой видимой причины начинал ощущать мелкие, вполне реальные и сплошные уколы боли.

Его собственные ладони были гладкими и целыми, без единой ранки, но в кончиках пальцев вдруг отчетливо отдавалось жжение содранной кожи;

его ноги были целы и невредимы, но в коленях внезапно возникала тупая боль от удара о землю;

он никогда не падал и не травмировался, однако в мышцах и плоти то и дело возникало тянущее ощущение синяков и ломота.

Маленький Е Сю поначалу растерялся и был сбит с толку. Его крошечные брови хмурились, он снова и снова осматривал собственные руки и ноги — те были чистыми и целыми.

Когда это повторилось несколько раз, пятилетний мальчик постепенно уловил закономерность.

Стоило Лин Юй пораниться, как боль неизменно принимал на себя он.

В ту же секунду Е Сю проникся предельной настороженностью.

Его сестренка Сяо Юй не чувствовала боли, а потому ничего не боялась — ни падений, ни ударов, ни травм, и по глупости была готова испытывать любые опасности.

Но ему-то было больно.

А раз так, он должен был оградить ее от любых бед.

С того дня Е Сю превратился в самого близкого и сурового личного защитника Лин Юй.

Стоило ей побежать, он тут же хватал ее за руку, опасаясь, что она упадет;

если она пыталась дотронуться до чего-то острого, он пресекал это в ту же секунду и убирал предмет;

когда она забиралась куда-то повыше поиграть, он надежно страховал ее сбоку, не отходя ни на шаг.

Всё, что хоть теоретически могло причинить Лин Юй вред, он пресекал на корню, не позволяя ей прикасаться к опасностям даже слегка.

Маленький мальчик упрямо решил: раз все боли и травмы перенаправляются на него, он приложит все силы, чтобы защитить эту ничего не чувствующую девочку от любых увечий на всю жизнь.

Окружающие видели лишь то, что дети излишне привязаны друг к другу и дружат честно и крепко, списывая всё на узы, зародившиеся еще при обряде выбора судьбы, и радовались от всего сердца.

Родители с обеих сторон и вовсе были счастливы подобному исходу: глядя на то, как дети целыми днями льнут друг к другу и никогда не ссорятся, они лишь радовались глубокой связи между семьями и их ежедневному счастью.

И только стоявший в стороне Е Цю сбивался с толку с самого начала до конца. Он во все глаза смотрел на собственного брата, чей нрав всегда отличался беспечностью и философским спокойствием, и находил происходящее совершенно непостижимым.

Прежде Е Сю был точно таким же озорным и игривым, беззаботным и свободным, как и он сам.

Но с того самого момента, как Лин Юй выбрала его во время обряда, его брат словно подменился.

Он целыми днями крутился возле Лин Юй, действовал невероятно осторожно, не отходил ни на шаг, проявлял чрезмерную нервозность и до ужаса ревностно защищал ее, что выглядело совершенно ненормально.

Е Цю склонил голову набок, разглядывая родного брата, который с педантичной точностью оберегал малышку, а в его глазах читалось крайнее недоумение.

Странно.

Почему мой брат вдруг стал вести себя так странно?

Время пролетело незаметно, промчались годы. Любители чтения были тут же, наслаждаясь

очарованием легких новелл.

Те самые крошечные дети, что связали свои судьбы на ковре во дворе, вместе переступили порог ближайшей государственной начальной школы.

Семьи по-прежнему жили по соседству: каждое утро братья-близнецы из семьи Е вовремя стучали в дверь, забирали неторопливо выходившую Лин Юй, и вдвоем они шагали бок о бок от самого переулочка до школьных ворот — картина, к которой соседи уже давно привыкли за годы.

Многолетняя связь давно пустила глубокие корни.

Лин Юй по-прежнему от рождения ничего не чувствовала.

Падения, ссадины, удары о парты и стулья — ее лицо неизменно оставалось спокойным, а взгляд — чистым, без единой эмоции, словно ее тело было укутано в невидимую броню, отгораживающую от всех бед и болей этого мира.

Зато эти беды и боли в полном объеме перенаправлялись на Е Сю.

За столько лет Е Сю уже привык к внезапным предупреждающим сигналам боли. Покалывание в кончиках пальцев, тупая ломота в коленях, онемение в локтях — каждая непонятная боль неизменно напоминала ему: Лин Юй снова ненароком поранилась.

У него уже выработался условный рефлекс: даже находясь от Лин Юй на расстоянии нескольких шагов, стоило его телу ощутить знакомую боль, как его взгляд мгновенно находил девочку. Он быстро подходил, заслоняя ее собой, проверял ее руки и ноги, убеждался в отсутствии серьезных ран и молча помогал избежать любой опасности.

Именно из-за того, что он годами держал нервы на пределе и все его мысли крутились лишь вокруг защиты Лин Юй, Е Сю никогда по-настоящему не заглядывал в учебники и не вникал в учебу.

В итоге у троицы сформировались совершенно противоположные школьные образы.

Среди близнецов Е Сю слыл образцовым отличником.

Живой ум, усидчивость, внимание на уроках, аккуратные конспекты, безупречные домашние задания и неизменно высокие места на экзаменах — он был самой отрадой для учителей, послушным учеником, который годами удерживал первые строчки на доске почета, а грамот у него было столько, что хоть отбавляй.

Е Сю же оказался круглым двоечником в самом буквальном смысле.

Витать в облаках на уроках стало его привычкой: его мысли вечно улетали за окно, на спортивную площадку или к сидевшей рядом Лин Юй.

Объясняемый учителем материал залетал в одно ухо и вылетал из другого, учебники оставались девственно чистыми, будто только из магазина, домашку он делал кое-как и наспех, на экзаменах плелся в хвосте середняков и был постоянным гостем в учительской, где преподаватели после каждого тестирования устраивали ему нагоняи тет-а-тет.

Каждый раз вздыхая, учителя неизменно сокрушались, что у таких одинаковых и красивых мальчиков-близнецов характеры и умы отличаются как небо и земля.

А зажатая между ними Лин Юй признавалась во всей школе безусловной отличницей.

Ничего не чувствуя от рождения, она, однако, не росла своевольной или избалованной, напротив, отличалась спокойным нравом, глубоким умом и феноменальной памятью.

То, что другим приходилось зубрить снова и снова, она запоминала с первого взгляда; сложные задачки, над которыми остальные ломали головы, она щелкала как орехи; материал урока понимала на лету, а упражнения решала едва коснувшись бумаги пером.

С самого первого класса Лин Юй прочно обосновалась на первом месте в параллели, с огромным отрывом опережая абсолютно всех.

Аккуратные тетради, строгая логика рассуждений, безошибочные ответы — на каждом экзамене ее общий балл уходил далеко вперед, оставляя второе место далеко позади. Она была редким гением на памяти всей школы.

Картина на уроках из года в год оставалась неизменной.

Свет сквозь стеклянные окна падал в класс, где трое сидели рядом.

Слева Е Цю — правильная осанка, рука с ручкой не останавливается ни на секунду, старательно исписан целый конспект, взгляд сосредоточен, каждая мелочь учтена — эталонный портрет отличника.

Справа Е Сю — подперев рукой подбородок, с расфокусированным взглядом: кажется, будто он смотрит на классную доску, но на деле он витает где-то далеко.

Половина мыслей занята ленью и мечтами, а вторая половина целиком принадлежит сидящей рядом Лин Юй.

Он следит за тем, чтобы ее локоть не ударился о край парты, чтобы она ненароком не

ощарапала палец, когда переворачивает страницу, и чтобы при вставании она не задела углы мебели.

Стоит телу оставаться свободным от боли, как он тут же расслабляется и с чистой совестью уходит в глухую оборону от учебы.

Но как только накатывает легкая боль, он мгновенно приходит в себя и тут же опускает взгляд, чтобы оглядеть тихонько решающую задачки девочку.

А сидевшая посередине Лин Юй неизменно держала спину прямо, а ее лицо сохраняло безмятежное и спокойное выражение.

Кончик ручки скользил по бумаге легко и плавно, задачи и тесты решались мгновенно, а точность ответов составляла сто процентов.

Она не знала усталости, не ведала суеты и справлялась с заданиями во много раз непринужденнее остальных, неизменно с легкостью забирая высший балл.

На перемене контраст их манеры поведения становился еще более ярким.

Заданную учителем олимпиадную задачу по математике не мог решить никто во всем классе.

Е Цю корпел над вычислениями, выстраивая строгие логические шаги, и лишь потратив уйму времени с трудом добирался до ответа.

Лин Юй бросала на условие один взгляд, за три секунды выстраивала в уме ход решения и, приложив перо к бумаге, записывала самый короткий путь с безупречной точностью и минимумом шагов.

Сидевший рядом Е Сю, глядя на густо исписанное условие задачи, только чувствовал, как у него идет кругом голова, и в конце концов окончательно бросал попытки вникнуть: подперев щеку рукой, он приклеивал взгляд к чистенькому и нежному профилю Лин Юй.

Закончив расчеты, Е Цю поднимал глаза и, натыкаясь на этот вид собственного брата, уже давно не удивлялся, хотя на самом дне его глаз по-прежнему пряталось детское недоумение.

Он все меньше понимал Е Сю.

Ведь у них были одно лицо, одни и те же гены и они росли в одной семье.

Сам он отдавался учебе всей душой и прочно держался в отличниках, а Е Сю забросил учебу и

плелся в самом хвосте.

Самым странным было то, что при всем своем ленивом, расслабленном и философски отрешенном нраве Е Сю проявлял жуткую, маниакальную сосредоточенность и нервозность исключительно по отношению к Лин Юй, не отходя от нее ни на шаг.

Другие мальчишки резвились, шумели и бегали наперегонки, и лишь Е Сю с самого детства направлял всё свое внимание только на Лин Юй.

Не учится на уроке — чтобы следить, как бы она не поранилась;

не шумит на перемене — чтобы караулить ее и вовремя отводить от опасностей.

Остальные думали, что он просто лентяй и двоечник, и только Е Цю смутно догадывался о правде.

Все эти отвлечения брата, всё его наплевательское отношение к учебе сводились к одному: он брал на себя всю невидимую боль Лин Юй, принимая ее удары на себя.

Только вот эта тайна казалась слишком абсурдной, чтобы кто-то в нее поверил.

После очередного месячного тестирования учитель со вздохом покачал головой, глядя на ведомость с оценками:

— Е Цю стабильно в тройке лучших, Лин Юй с огромным отрывом первая, они из года в год делят первое и второе места в школе, но почему Е Сю вечно тянет всех назад? Люди совершенно одинаковые, откуда такая пропасть?

Е Сю даже не пытался оправдываться — он лишь повернул голову, глядя на сидевшую рядом девочку, которая аккуратно раскладывала тетради.

Солнечные лучи падали на мягкую макушку Лин Юй, ее лицо было тихим и безмятежным, не знающим ни печали, ни радости, а о самой боли она от рождения не имела ни малейшего понятия.

<http://bllate.org/book/22386/2348736>